

*Нику и Вики Пейдж,
которые умеют быть хорошими друзьями
и добрыми соседями, когда захотят.*

А также

*Дику и Пэт Кэрлан,
одним из немногих в Голливуде,
у кого есть и всегда будет сердце.
С вами моя жизнь стала лучше.
Ненормальнее, но определенно лучше.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГЕРОЙ, ДРУГ

В реальном мире, как и в мире снов,
На всем лежит таинственный покров...

Книга сочтенных печалей

Жизнь без цели, без смысла
Не рождается в мир.
Мы находим ту искру,
Что зажигает наш кумир...
Или черный рог Смерти
Нас сзывает на пир.
Жизнь, лишенная цели,
Ослепляет, как дождь,
Мы блуждаем в потемках,
В сердце холода дрожь...
Или жаждою смерти
Обагрям свой нож.

Книга сочтенных печалей

12 августа

1

Джим Айронхарт мог бы догадаться, что надвигается неотвратимое, еще до случая в супермаркете. Ночью во сне его преследовала стая огромных черных птиц. Он бежал через поле, а птицы с пронзительными криками кружили над головой и неистово хлопали крыльями, готовясь вцепиться в него крючковатыми клювами и острыми, как скальпель, когтями. Джим проснулся от духоты и в одних пижамных штанах потащился на балкон глотнуть свежего воздуха. Однако к половине десятого утра воздух уже прогрелся до тридцати двух градусов, и неприятное ощущение, с которым он открыл глаза, только усилилось.

Джим подольше постоял под душем и побрился, это немного его освежило.

В холодильнике нашелся один-единственный заплесневелый кусок пирога «Сара Ли». Наверное, так бы выглядел выращенный в лаборатории особо вирулентный возбудитель ботулизма. Джим встал перед выбором: голодать или выйти в пекло.

В тот знойный августовский день птиц можно было увидеть разве что в кошмарном сне, в реальности они предпочли калифорнийскому небу кроны деревьев — укрылись в тени и только изредка без особого энтузиаз-

ма подавали голос. Собаки торопливо пробежали по раскаленным тротуарам. Даже ребенок не стал бы проверять, можно ли на асфальте поджарить яйцо: в это и без опытов верили и взрослые, и дети.

Легкий завтрак под зонтиком на пляже Лагуна-Бич отнял все силы, Джим снова покрылся испариной. Это был один из тех редких дней, когда с океана не дул даже легкий бриз.

Из кафе Джим отправился в супермаркет, который в первые минуты показался настоящим оазисом. Джим был в белых слаксах и синей футболке, так что воздух из кондиционеров и от холодильных горок приятно освежал тело.

Приступ случился в кондитерском отделе, когда он сравнивал составы миндального печенья и ананасово-кокосово-миндальных шоколадок, пытаясь решить, что из них — наименьшее прегрешение против диеты. Правда, по шкале подобных случаев это и приступом сложно было назвать: ни конвульсий, ни судорог, ни ручейков пота, ни разговоров на непонятных языках. Ничего такого. Джим просто вдруг повернулся к стоящей рядом женщине лет тридцати и сказал:

— Спасательный круг.

Симпатичная женщина в шортах и топе с лямкой через шею, вероятно, уже устала от охотников к ней подкатить.

— Простите? — переспросила она, похоже приняв Джима за одного из них.

Плыви по течению, велел себе Джим, не бойся.

Его начало трясти, но не из-за кондиционеров, а от холода, который сковал внутренности, словно извиваю-

щиеся угри. Силы оставили Джима — пальцы разжались, и пачка печенья упала на пол.

Стало неловко, но он не мог себя контролировать и только повторил:

— Спасательный круг.

— Не понимаю, — сказала женщина.

— Я тоже, — признался Джим, хотя такое случилось с ним уже в десятый раз.

Женщина держала коробку с ванильными вафлями так, будто готовилась бросить ее Джиму в лицо и убежать. Она явно размышляла, не похож ли он на героя заголовков типа «Буйнопомешанный застрелил шестерых в супермаркете». Однако она, словно добрая самаритянка, сначала спросила:

— С вами все в порядке?

Джим наверняка побледнел — он почувствовал, как от лица отлила кровь. Постаравшись бодро улыбнуться, хотя понимал, что вместо улыбки выйдет малоприятная гримаса, Джим сказал:

— Мне надо идти.

Он развернулся и, оставив тележку, вышел из супермаркета в августовскую жару.

От резкого перепада температур перехватило дыхание. Расплавленный асфальт на парковке прилипал к подошвам. Солнце серебрило ветровые стекла автомобилей и, падая на хромированные бамперы и решетки радиаторов, разлеталось на тысячи ослепительных лучей.

Джим подошел к своему «форду». Кондиционер не спасал: не успел он выехать со стоянки и свернуть на Краун-Вэлли-парквей, а поток воздуха из-под приборной доски уже можно было назвать освежающим только

потому, что в салоне стало невыносимо жарко. Джим опустил окно со своей стороны.

Сначала он не знал, куда едет, потом появилось смутное чувство, что надо вернуться домой. Это чувство очень быстро переросло в уверенность, а уверенность — в навязчивую потребность. Нужно быть дома.

Джим ехал слишком быстро, лавировал между машинами, шел на обгон, рисковал. Останови его патрульный, он бы не смог объяснить, почему так спешит.

Казалось, кто-то управляет им, как он сам управляет машиной.

Джим снова велел себе плыть по течению, что было нетрудно, потому что выбора у него не оставалось. А еще он велел себе не бояться, но страх был его постоянным спутником.

Наконец Джим свернул на подъездную дорожку к своему небольшому дому в Лагуна-Нигель. Из-за черных теней от остроконечных пальмовых ветвей на ярко-белой оштукатуренной стене казалось, что дом высох и потрескался от зноя, а красная черепица на крыше напоминала рябь на огненном море.

Сквозь тонированные стекла в спальню лился красноватый свет. Его медные полоски на кровати и грязно-белом ковре чередовались с лентами теней от приоткрытых жалюзийных ставен.

Джим включил прикроватный светильник.

Он понял, что собирается в путешествие, только когда вытащил из шкафа чемодан. Упаковал бритвенные и туалетные принадлежности. Куда и на сколько он едет, Джим не представлял, но уложил две смены одежды. Его работа (или миссия, бог знает, как назвать) обычно не занимала больше двух-трех дней.

Джим помедлил — не маловато ли вещей? С другой стороны, поездки слишком рискованные, каждая может стать последней, а в таком случае какая разница, сколько с собой брать?

Он закрыл чемодан и некоторое время смотрел на крышку, не понимая, что делать дальше.

— Надо лететь, — сказал он.

Теперь он знал.

Дорога до аэропорта имени Джона Уэйна на юго-востоке от Санта-Аны заняла меньше получаса. По пути Джим замечал едва уловимые приметы того, что до постройки акведуков Южная Калифорния была настоящей пустыней: билборд, призывающий экономно расходовать воду; неприхотливые кактусы и ледяник, которые высаживали садовники перед многоквартирными новостройками в юго-западном стиле. Земля на необработанных полях и пустующих холмах между «зелеными поясами» и озелененными поместьями высохла и поблекла на солнце. Одна спичка в руке пиромана могла положить начало сезону пожаров.

В главном терминале потоки пассажиров устремлялись к выходам на посадку и обратно. Мультирасовая толпа опровергала застарелый миф о том, что пресный в культурном отношении округ Ориндж населен исключительно белыми протестантами. По пути к телемониторам со списками рейсов «Тихоокеанских юго-западных авиалиний» Джим успел услышать речь на четырех языках, не считая английского.

На табло отправлений Джим просмотрел все города сверху донизу. Предпоследний — Портленд, Орегон — словно высек искру в его сознании, и он поспешил к билетной стойке.

Обслуживавший Джима приятный молодой человек в аккуратной униформе был похож на образцового работника Диснейленда — но только на первый взгляд.

— Рейс на Портленд через двадцать минут, — сказал Джим. — Места еще есть?

Молодой человек сверился с компьютером.

— Вам повезло, сэр, есть три свободных места.

Пока кассир оформлял билет по кредитной карте, Джим заметил, что у того проколоты уши. Дырки в мочках бросались в глаза, значит парень после работы постоянно носил серьги, причем тяжелые. Служащий протянул Джиму кредитку, рукав его рубашки задрался, и над правым запястьем открылась оскаленная пасть дракона: детальная цветная татуировка явно на всю руку. На костяшках пальцев у парня были подсохшие ссадины — наверняка после драки.

По пути на посадку Джим гадал, в какую субкультуру ныряет этот парень, сняв в конце рабочего дня униформу и накинув свою привычную одежду. Что-то ему подсказывало, что этот малый не просто обычный байкер или панк.

Самолет оторвался от земли и взял курс на юг. Безжалостное солнце слепило глаза, но потом они свернули на запад и дальше полетели над океаном на север. Теперь Джим видел только отражение самолета в воде. Поверхность океана стала похожа на вырвавшуюся из трещины в земной коре бурлящую магму.

Джим поймал себя на том, что стиснул зубы и вцепился в подлокотники кресла, точно орел, который вонзил когти в ненадежную ветку.

Он попытался расслабиться.

Джим не боялся летать. Страх вселял Портленд.. Вероятно, там его поджидает смерть. Интересно, в каком обличии?

2

Холли Торн приехала в частную начальную школу на западе Портленда, чтобы взять интервью у Луизы Тарвол, учительницы, которая умудрилась продать свой сборник стихов одному из крупнейших издательств Нью-Йорка. Задача была не из легких, учитывая, что в наше время для большинства людей поэзия — это тексты популярных песен или зарифмованная телевизионная реклама собачьего корма, антиперспиранта или радиальных шин с металлокордом.

Летом занятия шли только в нескольких классах, и коллега согласилась подменить Луизу на время интервью.

Они сели за красный столик на игровой площадке, но сначала Холли провела ладонью по скамейке, желая убедиться, что не испачкает белое хлопчатобумажное платье. Слева от столика были разнообразные лазилки, справа — качели. В теплом воздухе разливался аромат растущих неподалеку пихт.

— Какой здесь воздух! — Луиза вдохнула полной грудью. — Сразу кажется, что ты на опушке парка в пять тысяч акров! Почти не чувствуется смрада человеческой цивилизации.

Том Корви, редактор раздела досуга «Портленд пресс», перед командировкой дал Холли почитать «Шепоты кипариса и другие стихи» авторства Тарвол. Хол-

ли была бы только рада, если бы ей понравился этот сборник. Она вообще радовалась чужим достижениям, может, потому, что сама не преуспела в журналистике и нуждалась в напоминании, что успех все-таки возможен. Увы, стихи Луизы Тарвол, уныло-сентиментальные хвалы природе, были скучны, хоть вешайся. Будто она примеряла на себя роль второго Роберта Фроста, но ее вирши подправил редактор «Холлмарка», чтобы они подошли для приторных открыток к бабушкиному юбилею.

Тем не менее Холли хотела написать благожелательный репортаж. За годы работы она повидала репортеров, которые из зависти, желчности или из ложного чувства собственного превосходства всё переворачивали и расставляли акценты так, чтобы выставить героя своего материала дураком. За исключением случаев, когда речь шла о гнусных преступниках или грязных политиках, Холли не умела ненавидеть настолько сильно, чтобы писать подобные статьи. И в том числе поэтому, поработав в трех крупных газетах, она в итоге оказалась в более скромной «Портленд пресс». Тенденциозные материалы зачастую ярче сбалансированных репортажей, их обсуждают, ими восторгаются, газеты, в которых они печатаются, лучше продаются. Но у Холли, хотя ей почти сразу не понравилась Луиза Тарвол, причем даже больше, чем ее стихи, не лежала душа к такой работе.

— Только на природе я оживаю. Вдали от цивилизации, где слышатся голоса в кронах деревьев, в кустарнике, в прудах, в грязи...

Голоса в грязи? Холли чуть не рассмеялась.

Внешне Луиза была ей симпатична — уверенная в себе, здравомыслящая, энергичная. Женщина тридцати пяти лет, всего на два года старше Холли, она выглядела старше на все десять. «Гусиные лапки» в уголках глаз, морщинки у рта и обветренная смуглая кожа выдавали в ней человека, который много времени проводит вне дома. Выгоревшие на солнце, стянутые в хвост волосы, джинсы, синяя клетчатая рубашка.

— В лесной грязи есть своя чистота, — уверенно сказала Луиза. — Ее не сравнить со стерильной чистотой хирургического отделения. Из этой обновленной чистоты души рождаются совершенные химеры высокой поэзии.

— Химеры высокой поэзии? — переспросила Холли с таким видом, будто хотела удостовериться, что ее диктофон верно фиксирует каждый перл поэтессы.

— Химеры высокой поэзии, — повторила Луиза и улыбнулась.

Сама Луиза, в отличие от ее внешности, раздражала Холли. Она культивировала таинственность и казалась насквозь фальшивой. Ее позиция, ее взгляды были зыбкими и основывались не на фактах или знании, а на фантазиях, она крепко за них держалась, но от этого они не становились реальны. И она подавала их цветистыми, но неопределенными словами — пышными, но пустыми.

Холли сама регулярно перечисляла деньги на защиту окружающей среды, но тот факт, что в определенных вопросах она выступает на одной стороне с Луизой, ее совсем не порадовал. Неприятно иметь «поехавшего» союзника, тогда и твои взгляды ставятся под сомнение.

Луиза подалась вперед и положила руки на столик.

— Земля живая. Она говорила бы с нами, будь мы этого достойны. Говорила бы из камня, из растений или из пруда, так же легко, как я разговариваю с вами.

— Какая интересная теория, — заметила Холли.

— А люди всего лишь вши.

— Вши?

— Вши на теле земли, — с мечтательным видом подтвердила Луиза.

— Я не думала об этом в таком ключе, — призналась Холли.

— Бог не просто в каждой бабочке, Бог и есть бабочка, птица, кролик, каждое дикое животное. Я бы пожертвовала миллионом человеческих жизней — нет, десятью миллионами! — ради спасения одного невинного семейства куниц, потому что каждая куница есть Бог.

Холли притворилась, будто ее взволновали речи Луизы, хотя сама подумала, что все это похоже на экофашизм.

— Я каждый год перечисляю пожертвования в Комитет по охране природы, — сказала она, — и даже могла бы назвать себя энвайронменталисткой, но теперь понимаю, что до ваших высот мне еще далеко.

Поэтесса не уловила сарказма в словах Холли, она потянулась через стол и сжала ее руку:

— Не расстраивайтесь, дорогая, вы к этому еще придете. Я чувствую у вас ауру большого духовного потенциала.

— Помогите разобраться... Бог — бабочки, кролики и все дикие животные. И Бог — камни, грязь и вода. Но Бог — не мы?

— Да, и виной тому одно наше противоестественное свойство.

— Какое же?

— Разум.

Холли удивленно заморгала:

— Разум — противоестественное свойство?

— Разум такого высокого уровня — да. Ни одно другое существо в природе им не обладает. Вот почему природа нас чурается, а мы подсознательно ее ненавидим и стремимся уничтожить. Высокий уровень развития ведет к прогрессу. Прогресс порождает ядерное оружие, биоинженерию, хаос и в результате приводит к гибели.

— Но ведь именно Бог (или все же эволюция?) наделил нас разумом? — спросила Холли.

— Непредвиденная мутация. Мы мутанты, вот мы кто. Монстры.

— Значит, чем примитивнее живое существо...

— Тем оно ближе к природе, — закончила за нее Луиза.

Холли задумчиво кивнула, будто всерьез рассматривая теорию о превосходстве неразумного мира над разумным. На самом деле она думала, что все-таки не сможет написать эту статью. Луиза Тарвол со своими сумасбродными идеями была настолько нелепа, что Холли просто не могла выдать о ней благожелательный материал, не поступившись своими принципами. В то же время ей не хотелось выставлять женщину на посмешище. Проблема Холли крылась не в ее несгибаемом цинизме, а в ее добром сердце. Никто не бывает так несчастен и неудовлетворен собой, как наделенный даром сострадания циник.

Холли убрала ручку — заметки она все равно не собиралась делать. Ей хотелось лишь поскорее распрощаться с Луизой и уйти с этой детской площадки в ре-

альный мир, пусть он и был почти так же безумен, как их встреча. Все-таки нужно предоставить Тому Корви запись разговора на полтора-два часа, чтобы дать другому репортеру материал для статьи.

— Луиза, — сказала Холли, — поразмыслив над вашими словами, я прихожу к выводу, что вы, как никто другой, близки к природе.

Поэтесса восприняла этот легкий выпад как комплимент, улыбнулась и охотно приоткрыла для собеседницы еще одну грань своей философии:

— Деревья — наши братья. — (Тут она, видимо, забыла, что люди — вши, а не деревья.) — Стали бы вы отрубать конечности у своего брата, распиливать его плоть и строить дом из частей его тела?

— Нет, не стала бы, — честно ответила Холли. — И потом, вряд ли город дал бы разрешение на строительство настолько нетипового здания.

Холли ничем не рисковала — у Луизы не было чувства юмора, а следовательно, и обидеться на шутку она не могла.

Пока поэтесса разглагольствовала, Холли облокотилась на стол и, симулируя внимание, быстро прокрутила в голове свою взрослую жизнь. Она пришла к выводу, что все эти годы тратила драгоценное время на разных идиотов, социопатов и жуликов, которые делились с ней своими бредовыми планами и мечтами, в то время как она тщетно пыталась найти крупинцы смысла в их глупых или сумасбродных рассказах.

Все больше погружаясь в тоску, Холли поразмышляла о своей личной жизни. Она не пыталась завести близких подруг в Портленде, возможно, потому, что в душе знала: этот город — не больше чем очередная остановка в ее журналистском странствии. Опыт отношений

с мужчинами навевал еще больше тоски, чем интервью с представителями обоих полов. Да, Холли еще надеялась встретить своего единственного, выйти замуж, нарожать детей и наслаждаться семейной идиллией. Вот только она сомневалась, что в ее жизни появится кто-то симпатичный, умный, интеллигентный и по-настоящему интересный.

Возможно, этого никогда не случится.

А если такой мужчина однажды по чудесному стечению обстоятельств встретится ей на пути, его внешность и приятные манеры наверняка окажутся маской, под которой скрывается серийный убийца с цепной пилой.

3

Выйдя из терминала международного аэропорта Портленда, Джим сел в такси компании «Нью-роуз-сити-кэб». По названию можно было подумать, что эта компания — корпоративный приемный ребенок из давно забытой эпохи хиппи, появившийся на свет во времена фенечек и «силы цветов». Но таксист — согласно лицензии его звали Фрейзер Тули — пояснил, что Портленд называют городом роз, цветы здесь повсюду и они символизируют обновление и развитие.

— Так же как уличные попрошайки в Нью-Йорке символизируют стагнацию и упадок, — самодовольно, но абсолютно беззлобно добавил он, и у Джима возникло ощущение, что портлендцы все такие.

Тули, внешне один в один Лучано Паваротти, неуверенно переспросил:

— Вы хотите, чтобы я просто немного вас покатал?

— Да, думаю посмотреть город, перед тем как засе-
люсь в отель. Никогда не бывал в Портленде.

По правде, Джим просто не знал, в каком отеле оста-
новиться и что ему предстоит сделать вечером или на
следующий день. Он надеялся, что, если расслабится
и немного подождет, на него снизойдет озарение.

Тули обрадовался такому заказу — на счетчик нака-
пает приличная сумма, а еще ему нравилось знакомить
гостей со своим городом, он ведь не подозревал, что
Джим просто ждет озарения. И город действительно
оказался на редкость привлекательным. Ухоженные кир-
пичные дома девятнадцатого века соседствовали с со-
временными высотными зданиями с застекленными фа-
садами. Парков с фонтанами было столько, что иногда
казалось, будто дорога идет через лес. И повсюду розо-
вые кусты, пусть и не все в цвету, как в начале лета, но
в целом картина была очень красочная.

Меньше чем через полчаса Джим внезапно почувст-
вовал, что время на исходе.

Он подался вперед и словно со стороны услышал
собственный голос:

— Вы знаете школу Маколбери?

— Конечно, — ответил Тули.

— Что это за школа?

— Вы так спросили, будто и сами знаете. Частная
начальная школа на западе города.

У Джима участился пульс.

— Я должен быть там.

Тули посмотрел на него в зеркало заднего вида и на-
хмурился:

— Что-то случилось?

— Я должен быть там.

Тули притормозил на красный сигнал светофора и глянул через плечо:

— Что случилось?

— Я просто должен быть там, — раздраженно повторил Джим.

— Конечно, плевое дело.

Страх не отпускал Джима с того самого момента, как он четыре часа назад сказал женщине в супермаркете «спасательный круг». Но теперь он вцепился в него мертвой хваткой и подгонял к школе Маколбери.

— Я должен быть там через пятнадцать минут! — повысил голос Джим, хотя не смог бы объяснить, к чему такая спешка.

— Почему раньше-то не предупредили?

Джим хотел сказать «раньше я не знал», но вместо этого требовательно спросил:

— Сможете довести за пятнадцать минут?

— Придется поднапрячься.

— Плачу тройной счетчик.

— Тройной?

— Если довезете вовремя. — Джим достал из бумажника стодолларовую купюру и резким движением протянул ее Тули: — Возьмите, это аванс.

— Все так серьезно?

— Вопрос жизни и смерти.

Водитель бросил на него взгляд, в котором ясно читалось: «Ты псих?»

— Зеленый, едем! — приказал Джим.

Тули еще больше нахмурился, повернулся к рулю, свернул с перекрестка налево и выжал педаль газа.

Джим всю дорогу нервно поглядывал на часы. Когда они подъехали к школе, в запасе оставалось три мину-

ты. Джим бросил Тули еще одну купюру, заплатив больше чем в три раза, и выбрался из такси с чемоданом в руке.

— Вас подождать? — спросил Тули, наклонившись к открытому окну.

Джим захлопнул дверцу:

— Нет. Нет, спасибо, езжайте.

Такси отъехало, а Джим взволнованно оглядел фасад школы: здание в колониальном стиле с широкой верандой, к которой для расширения классных помещений пристроили два одноэтажных флигеля. На белые стены школы падали тени дугласовых пихт и многолетних платанов. С газоном и игровой площадкой школа занимала весь небольшой квартал.

Джим стоял на дорожке прямо напротив парадного входа. Из двухстворчатых дверей на веранду высыпали дети с планшетами, книжками и ланчбоксами в ярких цветных наклейках. Они сбегали по ступенькам и, смеясь и болтая, проходили мимо Джима, выходили за ворота в остроконечной ограде и расходились — кто вверх, кто вниз по улице.

Прошло две минуты. Джиму не надо было сверяться с часами — его сердце отстукивало два удара в секунду, он чувствовал время так, будто сам превратился в часовой механизм.

Солнечный свет проникал сквозь кроны деревьев и словно огромной золотой паутиной покрывал людей и всю территорию перед школой. Казалось, эта паутина переливается и подрагивает в такт звонкому детскому смеху. Идиллическая картина.

Но смерть приближалась.

Джим вдруг понял, что она придет за ребенком. Не за кем-то из троих учителей, стоящих на веранде, а за

одним конкретным ребенком. Это будет не катастрофа. Не взрыв, не пожар, не авиапроисшествие, в результате которого погибнут десятки людей. Будет одна маленькая трагедия. Но кого она выберет?

Джим переключил внимание с декораций на актеров. Он разглядывал лица проходящих мимо детей в надежде, что сумеет увидеть метку неминуемой смерти. Все дети выглядели так, будто никогда не умрут.

— Так кто же? — вслух спросил Джим.

Он обращался не к себе и не к детям, а к... В тот момент он подумал, что, наверное, к Богу.

— Кто?

Некоторые дети шли вверх по улице к переходу на перекрестке, другие спускались вниз, в конец квартала. И в обоих направлениях детей сопровождали женщины в оранжевых жилетах с похожими на лопатки знаками «стоп» в руках. Они собирали детей в маленькие группы и переводили их через дорогу. Ни легковых автомобилей, ни грузовиков на улице не было, так что и без регулировщиц вряд ли кто-то из детей угодил бы под машину.

Полторы минуты.

Джим присмотрелся к двум желтым автобусам, припаркованным у тротуара ниже по улице. Судя по всему, школа Маколбери была районной, и большинство детей приходили и возвращались домой пешком, но некоторые садились в автобусы. Два водителя стояли возле дверей, улыбались и перешучивались со своими юными и очень активными пассажирами. Ни один ребенок не выглядел обреченным, а желтые автобусы не походили на перекрашенные катафалки.

Смерть приближается.

Еще немного, и она появится среди детей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ГЕРОЙ, ДРУГ	7
Часть вторая. ВЕТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА	243
Часть третья. ВРАГ	403
Послесловие	503

Кунц Д.

К 91 Холодный огонь : роман / Дин Кунц ; пер. с англ. И. Ру-
саковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. —
(The Big Book).

ISBN 978-5-389-18895-2

Их свет случай, странное происшествие, которое могло стать тра-
гедией, но, к счастью, все завершилось благополучно.

Холли Торн, талантливый журналист, становится свидетельницей
того, как неизвестный мужчина, появившийся словно бы из ниоткуда,
выхватывает из-под колес машины школьника-подростка — в послед-
ний момент, когда гибель мальчика была уже, кажется, неминуема.
Журналистская интуиция подсказывает ей: вот он, герой, который ста-
нет в ее карьере стартом к профессиональным высотам.

Но все оборачивается иначе.

Джим Айронхарт, спасший мальчика, обладает удивительным свой-
ством — внутри его существует нечто, что толкает Джима все бросить
и ехать, лететь, бежать, чтобы спасти человека. Ребенок это, взрос-
лый — не важно. Он не может сопротивляться, сила, которая им управ-
ляет, выше его воли и разума. Джим не понимает ее природы, он по-
давлен, растерян, он истощен морально.

И Холли со временем понимает, что цель ее жизни не профессио-
нальный рост, цель ее — спасти человека. Спасти от самого себя.

Роман издается в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДИН КУНЦ
ХОЛОДНЫЙ ОГОНЬ

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Ольга Дервенева
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.06.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 32.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABB-27558-01-R